

В конце концов юноша с пустыми руками оказался перед дверью соседей напротив. В ушах у него всё ещё звучали слова тёти и дяди, произнесённые так, словно всё было само собой разумеющимся.

Он поднял руку и постучал. Никто не ответил, и он постучал ещё несколько раз.

Внезапно дверь распахнулась изнутри, заставив юношу вздрогнуть.

Открывшая дверь молодая на вид женщина увидела Мо Ли и тут же раздражённо спросила:

— Ты опять зачем пришёл? Что на этот раз хочешь одолжить?

Не дав юноше и рта раскрыть, женщина продолжила:

— Что бы вы ни хотели одолжить, ничего не дам!

Говорила она вроде бы с юношей, но глаза её неотрывно смотрели на плотно закрытую дверь квартиры напротив.

— Каждый день только и знаете, что пожить за чужой счёт, будто мы вам по гроб жизни обязаны! Вот уж не повезло так не повезло — восемь жизней дурной кармы, чтобы заполучить таких соседей! Собаку кормишь — и та знает, что человеку хвостом вилять надо. А некоторым сколько ни дай — даже спасибо не скажут, а потом ещё обернутся и укусят! Наглецы бесовские, вся семейка такая — ни стыда ни совести! Противно смотреть!

Женщина всё говорила и говорила, а юноша опускал голову всё ниже.

В этот момент из квартиры донёсся старческий голос:

— Линлин, что случилось? Чего ты ругаешься? Сяо Ли пришёл?

Следом раздался мужской голос:

— Бабушка! Иди обратно отдыхать, у тебя простуда ещё не прошла! Зачем ты сюда идёшь?

— Я должна посмотреть, не Сяо Ли ли пришёл.

— Бабушка, не вмешивайся ты. Линлин, закрывай дверь, нечего открывать кому попало!

Услышав это, стоявшая у двери женщина тут же собралась закрыть дверь.

Юноша поджал губы. Несколько мгновений он боролся с собой, но, вспомнив разочарованные взгляды тёти и дяди, всё же стиснул зубы, придержал дверь рукой и крикнул внутрь:

— Бабушка, это я, Сяо Ли. Газ отключили, мы хотели одолжить портативную газовую плитку, чтобы приготовить еду.

Внука бабушки Ван звали Ван Вэй. Услышав голос юноши, он тут же подошёл к двери и встал рядом с женой.

— Я вот не пойму, вашей семье вообще стыд знаком? Один-два раза ещё ладно, но вы же через день что-нибудь занимаете! В прошлый раз взяли у нас кастрюлю и умудрились так её раскалить, что ручка расплавилась!

Линлин закатила глаза и добавила:

— И это ещё полбеды. Когда нам самим чего-нибудь не хватает и мы просим у вас одолжить, вы хоть раз не нашли отговорку? Просто видите, что наша бабушка добрая и мягкая, вот и пользуетесь этим как хотите!

Бабушка Ван медленно подошла к двери и принялась их уговаривать:

— Сяо Вэй, Линлин, не ругайте Сяо Ли. Он ведь тоже не от хорошей жизни пришёл. Хороший он ребёнок, раньше ещё помогал мне вещи переносить. Подумаешь, плитка. Пусть возьмут, ничего страшного.

Ван Вэй и Линлин хотели было ещё что-то сказать, но, повернувшись и увидев добродушное лицо бабушки, всё-таки уступили.

Ладно. Главное, чтобы старушка была довольна.

Переглянувшись с Линлин, Ван Вэй ушёл в квартиру, а спустя мгновение вернулся и с недовольным видом протянул юноше компактную портативную газовую плитку.

— Ради бабушки одалживаем вашей семье в последний раз. В следующий раз что бы ни попросили — ничего не получите.

Юноша прижал плитку к груди. Губы его дрогнули, и он с трудом выдавил:

— Спасибо.

Но дверь уже успела закрыться.

Хотя дверь была закрыта, сквозь неё всё ещё смутно доносились заботливые голоса Ван Вэя и Линлин.

Они уговаривали бабушку Ван побольше отдыхать. В последнее время она болела, по ночам постоянно кашляла, а иногда даже не могла нормально дышать.

Послушав некоторое время, юноша тяжёлыми шагами вернулся домой.

Когда же у него самого появится свой маленький дом?

Живя у тёти с дядей, он постоянно чувствовал себя чужим. Мало того что чужим — он ещё и был обязан им за всё, что они для него сделали.

За ужином тётя положила юноше палочками немного жареной картофельной соломки, а всё остальное разделила между мужем и сыном.

Юноша мельком посмотрел на это, но ничего не сказал и молча продолжил есть.

Тётя, отправляя в рот рис, не переставала говорить:

— Кто знает, когда природный газ снова дадут. Плитку старухи Ван пока возвращать не будем. Газ появится — тогда и отдадим.

Закончив, она посмотрела на юношу, который явно хотел что-то сказать, но не решался.

— Я ведь всё это ради тебя делаю, понял? Ты у нас тугодум. Если ещё и наглости тебе не хватит, потом вообще голодать будешь!

— Пф...

Младший брат юноши, Ло Яоцзу, не удержался от смешка. Он насмешливо посмотрел на него.

— Извини, братик. Я не над тобой смеюсь, просто кое-что смешное вспомнил и не удержался.

Тётя юноши, Мо Фэйна, с нежностью погладила Ло Яоцзу по голове.

— Умница. Только с брата пример не бери. Пусть сейчас даже онлайн-уроки отменили, но кто знает — вдруг скоро жизнь снова станет такой, как прежде? Ты ещё сможешь хорошо учиться и вырастешь достойным человеком.

Дядя, Ло Дахань, тоже подбодрил сына:

— Мой сын умный! Сразу видно — в будущем большим начальником станет!

Вся семья наслаждалась тёплой семейной атмосферой. Лишь юноша, будто вытесненный за её пределы, доел то, что лежало у него в миске, и больше ни к чему не притронулся.

Ночью он вымыл посуду водой, заранее набранной в ведро, а затем лёг на раскладушку на балконе и уставился в пустоту.

Здесь он спал.

Квартира тёти и дяди состояла из двух комнат и гостиной. Тётя с дядей спали в главной спальне, младший брат Ло Яоцзу — во второй.

А ему достался балкон, где не было ни капли личного пространства.

В детстве он протестовал, но после нескольких побоев быстро перестал.

Тётя и дядя постоянно напоминали ему: это не его дом. Он всего лишь живущий у чужих людей «паразит».

Он глупый, неуклюжий, и что бы ни делал — во всём уступал умному младшему брату.

В то время юноша ещё не осознавал, что люди, которых он с детства считал родными, годами психологически подавляли его, внушая ему чувство неполноценности и вины. И он едва не увяз в этом окончательно.

Вдруг юноша резко откинул лежавшее на нём одеяло.

Жарко.

Слишком жарко.

В последнее время по ночам температура часто опускалась ниже минус пятидесяти. Электричества дома не было, поэтому даже электрическое одеяло включить было невозможно, и он часто просыпался от холода.

А сегодня проснулся от жары.

Сбросить одеяло оказалось недостаточно. Юноша снял с себя одежду, оставшись лишь в нижнем белье. Его бледные, тонкие, длинные и прямые ноги оказались полностью обнажены.

Но даже так ему всё равно было нестерпимо душно и жарко.

Он подошёл к окну.

Снаружи было тише, чем когда-либо прежде.

Не слышалось завывания ветра.

Не было стука дождя или снега о землю.

Ничего.

Тишина.

Слишком тихо.

Юношу охватило смутное беспокойство. Казалось, где-то прямо сейчас происходило что-то плохое.

Внезапно голова у него закружилась, и он рухнул на раскладушку.

Дыхание участилось, взгляд затуманился. За мгновение до того, как сознание окончательно ускользнуло, перед глазами возник высокий чёрный силуэт.

А затем во рту появилось что-то прохладное.

Словно путник, долго блуждавший по пустыне и наконец припавший к прохладному источнику, он невольно начал жадно посасывать проникшую ему в рот прохладную, сладковатую влагу.

.....

Мо Ли неподвижно смотрел тёмными, глубокими глазами на худенького юношу, свернувшегося у него на руках словно котёнок.

Тот был на целый год старше сына Мо Фэйны и Ло Даханя, Ло Яоцзу, однако выглядел чуть ли не на целый размер меньше него.

Ощувив влажне прикосновение к кончику пальца, Мо Ли медленно вытащил его из бледных губ юноши.

Помимо прозрачной жидкости, на пальце виднелся неглубокий порез.

Рана, которую он сам только что нанёс, уже почти затянулась.

Жар в теле юноши немного спал, но брови всё ещё были крепко сведены, а на шее проступили жилы. Выглядел он невероятно хрупким.

Увидев это, Мо Ли призвал чёрные лозы. Те обвили вокруг белого тела юноши, и исходящая от них прохлада полностью рассеяла мучивший его жар.

Брови юноши разгладились, и он наконец погрузился в глубокий сон.

Вот только переплетение чёрных лоз и белой кожи невольно создавало несколько двусмысленную картину.

Мо Ли приподнял юношу за подбородок и некоторое время рассматривал его.

Оказывается, до того как его лицо обезобразили, он был довольно красив.

Такое красивое лицо в этой жизни нужно как следует беречь.

Он повернул голову к плотно закрытой двери спальни, и уголки его губ изогнулись в холодной усмешке.

А с теми, с кем следовало разобраться, тоже лучше было не затягивать.

<http://bllate.org/book/20329/2041672>